

5. Розенблат, Е., Еленская, И. Социально-демографическая структура Брестского гетто по материалам паспортизации еврейского населения // Евреи Беларуси. История и культура. Вып. I. – Мн.: Белпринт, 1997. С. 72.

6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1019. Л. 31 – 34.

7. НАРБ. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 7. Л. 75 – 76.

8. Центральный архив КГБ Республики Беларусь. – Ф. 688. Д. 174.

9. НАРБ. – Ф. 384. Оп. 1. Д. 14. Л. 45, 64.

10. Карамзин, В. Это было в Домачево // Неман – 1989. – № 6. С. 126.

УДК 940.5

Е. А. Гребень

СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫЕ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

В экстремальной ситуации нацистской оккупации гражданское население Беларуси было поставлено на грань выживания. Следствием оккупационного режима стали дефицит продуктов питания, топлива, высокие налоги и реквизиции. На фоне сложнейших условий жизни и быта всего гражданского населения, социально уязвимые категории населения (дети, пенсионеры, инвалиды) оказались в катастрофической ситуации.

В результате гибели людей в период боевых действий лета 1941 г. увеличилось количество детей-сирот. Некоторые граждане сами обращались в администрацию с просьбой принять детей в детдом, поскольку прокормить их не было возможности. В городскую управу 1.11.1941 г. поступило заявление 65-летней жительницы Витебска, имевшей тяжелое заболевание (порок сердца) и лишившейся имущества во время пожара, которая просила принять в детдом 9-летнего внука, поскольку она не имела средств его содержать [1, л. 204]. В Оршанскую городскую управу 19.06.1944 г. поступило заявление жительницы Орши, просившей принять ее детей 7, 5 лет и 1 года в детский дом, поскольку дети голодали и не имели никакой одежды, муж умер. Сама просительница работала на стройке оборонительных сооружений, и просила принять в детдом хотя бы двоих детей, иначе, по ее словам, пришлось бы детей му-

чать голодом [2, л. 32, 32 об.]. Приток детей в детдома носил постоянный характер. В одной из школ в г. Осиповичи в 1943 г. учились 50 учеников – исключительно воспитанники детских домов [3, л. 58]. Бобруйская городская управа 16.09.1943 г. направила на воспитание в детский дом № 1 пятилетнюю девочку, доставленную в город венгерскими военнослужащими [4, л. 73].

На 1.08.1942 г. в г. Витебске было 4 детских дома (работало 14 воспитателей), из которых дома № 1 и № 2 (содержались воспитанники до 6-ти лет) находились в ведении отдела охраны здоровья, а дома № 3 и № 4 (7 – 14 лет) – в ведении отдела образования и культуры. Всего насчитывалось 322 детдомовца (182 мальчика и 140 девочек) [5, л. 13]. Штат одного из детских домов (в документе не уточняется, какого именно, но указано его подчинение отделу социального обеспечения) состоял из заведующего, медсестры, двух воспитателей, бухгалтера, уборщицы, сторожа и портнихи [6, л. 5].

Беспризорные рассматривались местной администрацией как обуза. Бургомистр Бобруйска в письме к начальнику Бобруйского областного управления спрашивал, должны ли они принимать в детский дом детей из других областей, в частности, из Осиповичской, и на каких условиях их принимать? Областное управление 17.08.1943 г. сообщило, что городское управление не обязано принимать детей из других областей, за исключением детей беженцев [7, л. 214, 232]. Местные власти стремились минимизировать количество воспитанников путем розыска их родственников или опекунов. Начальник Оршанского района в письме к бургомистру Росско-Селецкой волостной управы предлагал, ввиду перегруженности и тяжелого материального положения детдома, по возможности, разыскать родственников двух воспитанников детдома в дер. Берестенево и передать им детей, оказав семьям помощь [8, л. 135]. Помещая детей в детдома, местная администрация, по возможности, стремилась выяснить их происхождение. В феврале 1942 г. в Могилевский детский дом были доставлены мальчики 6 и 4-х лет, один из которых носил еврейскую фамилию. Заведующий детдомом попросил полицию предоставить точные данные о детях, чьи отчество и национальность не известны [9, л. 2].

Проблема беспризорности находилась в центре внимания Белорусской самопомощи. Иногда борьба с этим явлением велась довольно оригинально. Барановичский окружной комитет Белорус-

ской самопомощи на основе письма Централы БСП в Минске предписывал всем районным комитетам совместно с СБМ вести «самую жестокую борьбу» с нищенствующими на улицах детьми, которых следовало задерживать и отводить к родителям, которым следовало приказать не пускать больше детей на улицу для попрошайничества. Детей-сирот следовало направлять в Барановичи для последующего помещения в детские дома [10, л. 4].

Граждане, желающие взять под опеку детей, должны были обращаться с ходатайствами к главам местных администраций. На имя бургомистра г. Осиповичей 5.07.1943 г. поступило заявление гражданки, которая просила разрешить ей опеку над племянником в возрасте 1 года, так как муж сестры умер в результате болезни, и ее сестра, нетрудоспособная, инвалид, осталась с тремя детьми [11, л. 91]. Согласно распоряжению Барановичского гебиткомиссара от 22.01.1943 г. усыновление детей могло происходить только с разрешения мирового суда в Барановичах. Для этого было необходимо предоставить заключение врача о том, что семья бездетная, метрику ребенка, при наличии родителей требовался их отказ от родительских прав [12, л. 30]. Иногда сами несовершеннолетние ходатайствовали об опеке [13, л. 13].

Исключительно сложной была ситуация с питанием в детдомах. Начальник Браславского района апеллировал к зондерфюреру с просьбой выделить воспитанникам детдома (30 детей по состоянию на июль 1943 г.) картофель, который является единственным продуктом их питания [14, л. 23]. В ходе ознакомления с положением дел новым бургомистром Осиповичей 18.04.1944 г. было отмечено, что детский дом испытывал недостаток в постельных принадлежностях и костюмах для мальчиков, обувь для воспитанников практически отсутствовала, имеющиеся 10 % от необходимого количества обуви требовали ремонта [15, л. 44]. Снабжение могло зависеть от случайностей. Борисовская районная управа 16.11.1942 г. распорядилась передать в пользование Новоборисовскому детскому дому пойманную полицией бесхозную корову на время поисков ее владельца [16, л. 297]. В 1942 г. для воспитанников детдома в Береснево Оршанского района было выделено 56,5 кг: по 0,5 кг на ребенка (113 чел.) [17, л. 16].

Документы местной администрации содержат как приукрашенные отчеты, так и документы, в которых показывалась реальная картина. 25.09.1941 г. был составлен акт обследования детского

дома № 3 г. Бобруйска за подписью школьного инспектора. Чиновник констатировал отсутствие режима дня и питания: «...подъем происходит не организованно: часть детей одета, часть поднимается, а несколько лежат на кроватях в верхней одежде». Отмечались проблемы с дисциплиной (нежелание детей убирать территорию, дерзость по отношению к старшим, самовольные отлучки), антисанитария: «...В помещении дети сидят в пальто и шапках, под кроватями целые склады грязной обуви, чулок и белья (спальня девочек). Во дворе возле спальни устроена уборная». Имелись проблемы с отоплением (отмеченное выше нахождение детей в помещении в верхней одежде) и обеспечении продуктами (в отчете упоминались походы детей за яблоками) [18, л. 84]. Подобная удручающая картина жизни и быта воспитанников детдома наблюдалась с самого начала оккупации, и со временем ситуация только ухудшалась.

На заседании Осиповичского районно-городского управления 20.03.1944 г. был рассмотрен вопрос о работе детского дома, ситуация была охарактеризована как не удовлетворительная. Было отмечено, что воспитанники не аккуратно являются на работу, самовольно ее покидают, болтаются по городу и выпрашивают у прохожих копейки. Проводивший ревизию детдома чиновник отметил мизерный продуктовый паек детдомовцев, антисанитарное состояние детдома, необходимость ремонта здания. Начальник отдела просвещения и заведующий детдомом обвинили друг друга создавшейся ситуации. Было заявлено, что детдому поставлялось мыло, достаточное количество продуктов, и что нужно было их правильно расходовать. Для детей эффект от совещания был мизерный [15, л. 14].

Бедственное положение детдомовцев вынуждало их к постоянному поиску пропитания, как по собственной инициативе, так и с санкции руководства детдома. В г. Могилеве осенью 1943 г. детдомовцы посылались на работу в пригородное хозяйство Любуж, откуда должны были доставлять в детдом картофель. Один из воспитанников 5.11.1943 г. был задержан полицией из-за отсутствия документов и помещен в арестный дом. Для его освобождения потребовалось вмешательство бургомистра, который в письме начальнику полиции сообщал, что воспитанники детских домов не имеют документов, удостоверяющих личность [19, л. 176]. Некоторые из воспитанников летом нанимались к крестьянам в качестве

пастухов. Уход из детдомов стал настолько массовым, что начальник Клецкого района вынужден весной 1943 г. был дважды обращаться к волостным управам с требованием вернуть детей в детдом [12, л. 124].

Оценки сотрудников местной администрации подтверждаются воспоминаниями бывших воспитанников детских домов. Фактически предоставленные сами себе детдомовцы уже осенью 1941 г. вынуждены были регулярно заниматься поиском пропитания. Повседневной практикой стали походы имевших обувь детдомовцев на поиск продуктов, употребление картофеля в сыром виде, очисток картофеля, порченных продуктов, незрелых злаков с полей, попрошайничество [20, с. 24 – 26, 45]. По определению бывшего детдомовца М. Кузнецова, утоление голода становилось главным смыслом существования [21, с. 87].

В сложной ситуации оказались пенсионеры. В г. Витебске отдел социального обеспечения городской управы начал работу 6.09.1941 г., и до июля 1942 г. было зарегистрировано 5936 пенсионеров, в том числе 2 пенсионера в июле, из них умерло 166 (15 в июле 1942 г.). Размер пенсии составлял 30 – 200 руб. 89 чел. было направлено в дом инвалидов, 118 детей поступило в детские дома (13 детей в июле 1942 г.). За период сентябрь 1941 г. – июль 1942 г. отдел социального обеспечения выдал 14913 обеденных карточек, 49 пенсионеров было освобождено от квартплаты и 53 пенсионера направлено на работу [5, л. 21]. Последний факт свидетельствовал о тяжелейшем материальном положении граждан пенсионного возраста, мизерный размер пенсии вынуждал многих из них продолжать работать. За июль 1942 г. в Витебскую городскую управу поступило 1083 заявления от граждан, в том числе в финансовый отдел – 732 заявления, в продовольственный – 115, в жилищный – 70, в отдел городского хозяйства – 73, другие отделы – 57, на имя бургомистра – 36 [5, л. 7]. Кроме пенсионеров и инвалидов Витебская городская управа выплачивала пособие семьям уехавших в Германию. В декабре 1943 г. пособие в размере 130 руб. было начислено 407 горожанам [22, л. 51 – 59].

Уже в первые месяцы оккупации наблюдалась высокая смертность среди малообеспеченных граждан, и, как следствие, возникла проблема погребения умерших, многие из которых не имели родственников, или же у родственников не находилось средств на организацию похорон. Отдел социального обеспечения Витебской го-

родской управы с сентября 1941 г. регулярно обращался в хозяйственный отдел с просьбой выделить мануфактуру на погребение умерших инвалидов и пенсионеров (очевидно, умерших даже не укладывавши в гроб) [23, л. 1, 4, 9, 12, 15, 23, 27]. В последующие годы оккупации ситуация не менялась, отдел социального обеспечения периодически обращался в похоронное бюро с просьбой похоронить умерших за счет городской управы. В переписке подразделений городской управы фигурируют как умершие витебчане из числа пенсионеров и инвалидов, так и беженцы, большое количество которых к 1943 г. было размещено в городе, а также беспризорные, многие из которых умирали в городской больнице. С просьбой о погребении тел умерших, найденных на улицах города, обращалась в похоронное бюро и полиция. Например, 3.04.1943 г. полиция просила городское бюро убрать труп неизвестного мужчины, скончавшегося двумя днями ранее на 1-ой Пролетарской улице; 17.04.1943 г. полиция просила похоронить мужчину, найденного на берегу Двины около дрожжевого завода, погребение которого было оценено в 200 руб. (транспортные расходы – 85 руб., могила – 15 руб., рабочая сила – 100 руб.); 25.03.1943 г. был найден труп неизвестного мужчины на аэродроме. Марковская больница 9.04.1943 г. просила похоронное бюро похоронить двух беспризорных мужчин, скончавшихся от уремии и миокардита, и пять тел умерших новорожденных детей (!). Одновременно о том же ходатайствовала и полиция; похоронные работы для умерших в больнице были оценены в 225 руб. Просьбы о погребении беженцев поступали также от БНС [24, л. 2 – 49].

За первый квартал 1942 г. похоронное бюро подготовило 462 могилы для взрослых на сумму 5278,03 руб., 52 могилы для детей (230,12 руб.), реализовало 30 гробов для взрослых (1637,36 руб.) и 4 для детей (106,55 руб.), 429 раз использовался катафалк. Обращает внимание не соответствие общего количества умерших (514 чел.) и использованных при погребении гробов (34 шт.) [25, л. 24]. Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев родственники умерших не имели возможности приобретать гробы, и умерших хоронили за счет Витебской городской управы, так же как и одиноких граждан. Из отчетов об использовании сметы за второй квартал 1942 г. видно, что за этот период умер еще 391 чел. (347 взрослых и 44 ребенка): в апреле – 153 взрослых и 20 детей, в мае – 120 взрослых и 12 детей, в июне – 74 взрослых и 12 детей [25, л. 8, 12, 18]. В

августе 1942 г. умерли 81 взрослый горожанин и 10 детей [25, л. 6]. Учитывая значительный объем работы, штат похоронного бюро летом 1942 г. составлял 12 чел. [5, л. 16].

Погребение умерших осуществлялось гражданами самостоятельно или через коммунальные структуры. Например, при отделе опеки Новогрудской районной управы с 1.06.1943 г. было создано похоронное бюро под общим руководством начальника отдела опеки со штатными единицами гробовщика и кладбищенского сторожа [26, л. 22]. На территории тыла группы армий «Центр» на основании распоряжения командования от 13.04.1944 г. были изменены правила предоставления пособия на погребение умерших. Пособие выдавалось семье умершего, если она проживала с ним и находилась на его иждивении. Размер пособия определялся как 30-кратная сумма дневного заработка, но не менее 300 руб. В случае смерти родственников работающего гражданина декларировалась выдача пособия в размере 20-кратного дневного заработка или 2/3 месячного заработка, но не менее 200 руб. Право на получение пособия имели лица, фактически производившие погребение. Если погребение производилось за счет предприятия, пособие не полагалось. Для получения пособия необходимо было представить документы о смерти, счета гражданского управления о похоронных расходах, справку с места работы о заработной плате, а также справку о том, что предприятие не выделяло деньги на погребение, справку о совместном проживании [27, л. 108]. Подтвердить документально, выделялось ли гражданам данное пособие, не представляется возможным.

Одиноким нетрудоспособным гражданам, лишенным средств к существованию, вынуждены были нищенствовать. В акте обследования материального положения одной из жительниц г. Витебска от 23.04.1943 г. констатировалось, что просительница одинокая, дом сгорел, живет за счет подаяния. Выдача мизерного разового пособия не могла коренным образом повлиять на жизнь таких граждан [24, л. 55 – 55 об.].

В условиях немецкого оккупационного режима социально незащищенные категории населения были поставлены на грань выживания. На фоне дефицита средств у местной администрации, нуждающимся оказывалась мизерная, спорадическая помощь, условия жизни и быта воспитанников детских домов вынуждали их самостоятельно заботиться о пропитании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 99.
2. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 10.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). Ф. 847. Оп. 2. Д. 1.
4. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 2.
5. ГАВт. Ф. – 2073. Оп. 1. Д. 181.
6. ГАВт. Ф. – 2073. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 6.
9. ГАМог. – Ф. 271. Оп. 1. Д. 22.
10. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 1039. Оп. 1. Д. 185.
11. ГАМог. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 305.
12. ГАМн. – Ф. 1566. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАВт. – Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 130.
15. ГАМог. – Ф. 845. Оп. 2. Д. 1.
16. ГАМн. Ф. – 624. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАВт. Ф. – 2074. Оп. 4. Д. 62.
18. ГАМог. Ф. – 858. Оп. 1. Д. 1.
19. ГАМог. Ф. – 259. Оп. 1. Д. 26.
20. Соколовский, К.Э., Соколовский, В.Э. Детский дом в тылу врага / К.Э. Соколовский, В.Э. Соколовский. – Минск.: Беларусь, 2008. – 79 с.
21. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. – 386 с.
22. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 11.
23. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 4. Д. 6.
24. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 5. Д. 4.
25. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 5. Д. 1.
26. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 610. Оп. 1. Д. 16.
27. ГАМог. – Ф. 847. Оп. 1. Д. 1.